

АРИЯ ДЛЯ ПРИЗРАКА

Ирина Градова

Москва

**БОЛЬШОЙ БАЛЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Читайте захватывающие остросюжетные романы
Ирины Градовой в серии «Большой балетный детектив»:

Танец над пропастью

Ария для призрака

Венчальное кольцо Нибелунгов

Последняя надежда обреченных

Актриса на роль подозреваемой

Соло на раскаленной сцене

Гнев Пигмалиона

АРИЯ ДЛЯ ПРИЗРАКА

Ирина Градова

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Кроник*

Градова, Ирина.

Г75 Ария для призрака : роман / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221648-0

Петербургский театр «Гелиос», славящийся своими балетными постановками, стал местом преступления в сфере искусства, когда под угрозой оказались селебрити... Марго Синявской, дочери балетмейстера-хореографа с мировым именем и жене не менее известного танцовщика Игоря Байрамова, не впервой заниматься такими делами. Она своя в этом узком мире и не раз сталкивалась с тем, что в их среде порой происходят странные, невообразимые вещи. Вот и сейчас, когда в «Гелиосе» арендует сцену труппа, готовящая постановку «Призрака оперы», Марго оказывается в центре драмы. Лишь от нее зависит не только будущее спектакля, но и жизни артистов!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221648-0

Пролог

1998 год, февраль

День для похорон выдался неудачный. Хотя, в самом деле, может ли такой день вообще оказаться более или менее удачным? Третье февраля. Словно предчувствуя скорый конец, зима пыталась снова вступить в свои права, споря с естественным порядком вещей. До этого три недели царила оттепель. Ночью подмораживало, а с утра лед, смешиваясь с грязью на улицах, образовывал густую серую жижу, которую прохожие месили, словно тесто, увязая сапогами по самые голенища. А прошлой ночью началась метель. Она занесла все неприглядное в городе, и он мгновенно превратился в белое снежное царство. Деревья стояли, словно увенчанные песцовыми шапками, и лишь по смутным очертаниям удавалось определить, что огромные сугробы возле домов — на самом деле автомобили, занесенные снегом.

К утру метель не улеглась. Дул пронизывающий западный ветер, и хотя термометр показывал всего пять градусов мороза, из-за ветра казалось гораздо холоднее. На кладбище не было ни души, только у одной могильной плиты стояли четыре человека, один из которых был работником кладбища. Трое других — две женщины и закутанный, как маленький космо-

навт, ребенок — пришли проводить в последний путь ту, чью фотографию на эмали младшая из двух женщин вот уже несколько минут старалась приладить к плите, на которой крупными золотыми буквами ранее было выбито мужское имя и годы жизни — 1928—1982.

— Не выходит, — жалобно произнесла женщина, безуспешно пытавшаяся приклеить фотографию. Она положила ее на бордюр и стала отогревать покрасневшие от холода руки своим дыханием.

— И не выйдет, — со знанием дела отреагировал работник кладбища, мужик лет сорока, абсолютно трезвый, что уже само по себе удивительно. Он копал неглубокую ямку, в которую предполагалось опустить деревянную урну с прахом, стоявшую у оградки.

— Надо фотку на цемент посадить, — продолжал он. — Тогда, может, несколько лет продержится. Да и цемент в нашем сыром климате нужно постоянно менять, а вы на «Момент» приклеиваете, это ж смех один, по морозу-то!

Женщина постарше, к ногам которой жался замерзший ребенок, стояла молча и безучастно.

— Ты бы поплакала, — мягко кладя сухонькую руку ей на плечо, произнесла младшая. — В крематории ни слезинки не проронила и сейчас вот...

— А чего зря плакать? — равнодушно отозвалась та. — Не хотела бы я дожить до того времени, когда она вовсе человеческий облик потеряет: и так из дома все вынесла на продажу! Мне детские вещи, сама знаешь, у соседей прятать приходилось, чтобы ребенка голым не оставить... Нет у меня слез для нее!

Работник кладбища взял урну и аккуратно поместил ее в яму.

— Ну что, засыпаем? — спросил он.

Старшая кивнула, младшая залилась слезами, словно плакала за двоих. Закидав яму мерзлой землей, мужик поднял фотографию на эмали с бордюра и пригляделся внимательно.

— Красивая девка была, — отметил он. — Глазищи-то какие!

Борясь с дующим в лицо ветром, маленькая процессия медленно двинулась к выходу. Метель продолжала бушевать, занося место, где только что захоронили урну, и через десять минут никто уже не смог бы определить, что в этот день кладбище посещали люди: следы их исчезли под белым пушистым покровом.

* * *

Он посмотрел на свои руки, словно не веря в случившееся. Но факт оставался фактом: в спине человека, который на короткое время заменил ему отца, торчал загнанный в плоть по самую рукоятку нож. Парень пытался вытащить его, но не сумел: тело окоченело, и все усилия оказались напрасными, хоть он и уперся ногами в тяжелые ножки стола, чтобы вырвать нож из одеревеневших тканей. Постепенно к мальчику стала возвращаться возможность здраво рассуждать: если его здесь обнаружат, он немедленно окажется в камере, а этого нельзя допустить — он и так слишком много времени провел в тюрьме и не собирался повторять опыт. Конечно, много ему не дадут, он ведь несовершеннолетний, но и вряд ли отпустят на все четыре стороны при таком раскладе! Он с ужасом представил, что его могут вернуть обратно, к матери, и от этой мысли принялся дрожать, как будто только что вылез из ледяной воды. Нет, его голыми руками не возьмешь, лучше

он, как дикий зверь, станет жить в лесу, чем вернется туда, откуда с таким трудом сбежал!

Парень бросился в спальню и стал лихорадочно собирать вещи. Ни одна из них ему не принадлежала — все подарены покойником. Затолкав в холщовый мешок одежду и то, что могло пригодиться в длительном походе, он уже собирался покинуть дом, но вдруг вспомнил о самом главном: бабки! Он выскочил в сени и порылся в поленнице, где старик хранил деньги — несколько купюр по сто рублей, десять — по тысяче. Небогатый улов, но и на том спасибо. Затем он вернулся в комнату, чтобы одеться и прихватить свой узел.

В дверях оглянулся в последний раз: тело, разумеется, оставалось в том же положении. На мгновение слезы подступили к горлу, но мальчик не позволил себе заплакать: что сделано, то сделано, и пути назад нет. Захлопнув дверь, он вышел в метель, которая сбивала с ног, но и укрывала от любопытных глаз. Да, нынешняя непогода ему только на руку!

2014 год, декабрь

Татьяна отложила щетку, которой безуспешно пыталась пригладить непослушные пряди, торчащие в разные стороны: что бы она ни делала, какими бы средствами ни пользовалась, ее тонкие и жирные волосы выглядели одинаково неухоженными, а ведь она моет голову каждый день! Рекламные ролики, провозглашающие, что «волосы станут красивыми и блестящими, если вы будете использовать наш шампунь (бальзам, мусс для укладки и т. д.), всего за несколько минут», безбожно врут — ничего подобного не происходит. Правду говорят — если бог не дал чего-то, любые старания бесполезны: хорошие волосы или кожу можно сделать идеальными, а плохие... Правда, с чем у нее нет проблем, так это с кожей. Она гладкая, светлая, без прыщиков или неровностей, приятная на ощупь. Кожа — единственное, что Таня получила от матери, остальное, вероятно, от отца. Самое обидное, что она его даже не знает! Она никогда не видела его, понятия не имела, где он живет и работает и есть ли у него другая семья.

Девушка посмотрела на фотографию на стене, с которой улыбались красивая светловолосая женщина и маленькая розовощекая девочка. На этом фото она

похожа на мать, почему же с возрастом так изменилась? Таня тоже могла бы рассчитывать на прекрасные белокурые локоны, на такие же бездонные синие глаза и ямочку на подбородке, которая выглядела так сексуально! Бабушка говорила: не родись красивой, а родись счастливой, но что толку? Если бы Таня чувствовала себя счастливой, возможно, она не обижалась бы на мамушку-природу, которая здорово на ней «отдохнула». Счастливой Таня себя бы не назвала. Ей недавно исполнилось двадцать два года, она занимается нелюбимым делом и вынуждена каждодневно выслушивать упреки от тех, кто многого достиг. От этого она чувствовала себя еще более униженной.

Однако, пожалуй, несколько лет своей жизни Таня все же могла назвать по-настоящему радостными. В то время они с матерью и бабушкой жили за городом. Мама водила ее в детский сад в соседний поселок, и по дороге они смеялись и шутили. Вечером ее забирали бабушка или мама. На обратном пути они заходили в магазин в центре поселка, и Танюше обязательно покупали что-нибудь вкусное — ириски, шоколадные батончики, большую конфету «Мишка на Севере» или «Красная Шапочка».

Потом они переехали в город.

В школе (ее отдали в музыкалку, как и мать в свое время) Татьяна впервые почувствовала себя несчастной. Нельзя сказать, чтобы ее недолюбливали одноклассники или учителя — они ее просто не замечали, и это было самое обидное. Возможно, если бы Таня обладала легким и веселым характером, ей и удалось бы найти общий язык с ребятами, но она была скрытной, погруженной в свой собственный мир. Учителя жалели ее, зная, что ребенок рано потерял

мать, но время шло, а Татьяна становилась все более замкнутой.

Тетя Лида и бабушка много раз предлагали ей пригласить домой подруг на день рождения или любой другой праздник, да, в конце концов, и просто без повода, но она отказывалась: у нее не было подруг. Одноклассницы с удовольствием списывали у Татьяны домашние задания, особенно по русскому языку, литературе и сольфеджио, в котором Татьяна была особенно сильна, но они никогда не приглашали ее в гости и не предлагали сходить вместе в кино или на прогулку.

Правда, одна девочка хорошо отнеслась к Татьяне. Ее звали Люба. Она перешла в их школу в шестом классе и легко влилась в детский коллектив. Отец Любы был военным, и семья частенько переезжала. Веселая и жизнерадостная Люба постоянно что-то придумывала. То ставила спектакли, вовлекая в них одноклассников, а потом показывала учителям, родителям и даже соседям по дому. То вдруг приглашала друзей домой и угощала мороженым и пепси-колой. Ее мама пекла замечательные пироги с капустой или с яблоками, и дети могли вдоволь наесться вкусовностей.

Люба оказалась первой из сверстников, кто обратил на Татьяну внимание. Она удивилась, почему эта странная девочка всегда одна, почему не играет на переменах с ребятами и не посещает дни рождения и другие мероприятия, на которые всегда приглашали Любу, хоть она и новенькая в классе. Как-то раз девочка подошла к Татьяне и заговорила с ней. Скоро Таня поняла, что не может обходиться без новой подруги. Благодаря Любе к ней стали лучше относиться. Если Любашу куда-то звали, она просила разрешения привести с собой Таню. Рядом с Любой Таня чувствовала

себя значительной. Любе удавалось все, за что бы она ни бралась, и Татьяна боготворила ее. Девочки часто рассуждали о том, как вырастут, станут знаменитыми и начнут гастролировать по миру с концертами и самые известные музыканты будут считать за честь выступить с ними на одной сцене.

Люба проучилась в Танином классе всего год, а затем ее отца перевели в другой город, и Таня опять осталась одна. Без Любы она перестала быть интересной одноклассникам и снова стала печальной маленькой тенью, бродящей по школе в одиночестве. Но это, как выяснилось, еще не самое страшное.

В девятом классе Таня открыла для себя две удивительные вещи. Первая: оказывается, ей нравятся мальчики. Вторая: мальчиков она, Таня, абсолютно не привлекает. Особенно ей нравился Рома Вайнштейн, симпатичный и бесспорно талантливый. Рома учился в параллельном классе, и все прочили ему блестящую карьеру. Он великолепно играл на скрипке, а также на фортепиано и гитаре, что делало его незаменимым в любой компании. Таня и мечтать боялась о том, что когда-нибудь этот принц обратит на нее свое царственное внимание, и лишь тихо вздыхала, когда Рома проходил мимо, скользя по ней безразличным взглядом, словно Таня являлась предметом мебели. Однако в последнем классе случилось чудо: Рома пригласил ее на дискотеку по случаю празднования Нового года. Таня не знала, куда деваться от восторга, но одновременно и волновалась, ведь надо соответствующе выглядеть рядом с популярным парнем! Тетя Лида сшила замечательное платье, и Татьяна, сияя от счастья, отправилась на праздник. Всю дорогу до школы она боялась присесть или прислониться в транспорте

к чему-нибудь, чтобы не помять наряд. Рома встретил ее в холле и похвалил платье! А когда начались танцы, к нему подошла Вероника Суворова, девочка, с которой Рома дружил раньше, но поссорился перед самой дискотекой. Они помирились, и весь вечер Таня просидела на стуле в углу, глядя на танцующие пары. Придя домой, она с ожесточением сорвала с себя платье, которое еще несколько часов назад так боялась помять, скомкала и засунула в дальний угол шкафа, чтобы оно не напоминало ей об унижении.

В учебе Таня подавала определенные надежды. Она хорошо играла на фортепиано, и преподавательница Гелена Анисимовна Шестакова прочила ей отличное музыкальное будущее.

— Ты обязательно должна поступать в консерваторию, — говорила она. — У тебя есть способности, а также упорство и целеустремленность, которые необходимы настоящему музыканту!

Татьяна прислушалась к совету. Ей хотелось доказать всему миру, что она на что-то способна. Девушка решила прославиться, чтобы все, кто не замечал ее, стали кусать локти оттого, что не разглядели в неприметной, блеклой девочке гения! Она без труда поступила в консерваторию и остервенело принялась за учебу. Правда, преподаватели считали, что в манере ее исполнения отсутствовало главное, которое отличает пианиста-виртуоза от просто пианиста: душа. Они признавали, что Танина техника выше всяких похвал, но, оказывается, каждый исполнитель должен вкладывать в игру что-то свое, заставляющее одно и то же произведение звучать по-разному под пальцами разных пианистов. Вот этого-то Таня и не смогла постичь, как ни старалась. Она с разочарованием поняла, что

высот ей не добиться, и она навсегда останется посредственностью с мозолями на пальцах от постоянных упражнений и кучей комплексов из-за несбывшихся надежд!

Придя к выводу, что слава ей не грозит, Татьяна решила бросить музыку. Тетя Лида пришла в ужас, но девушка ясно дала понять, что не передумает. Она долго маялась без дела, не зная, чем еще заняться, а потом случайно наткнулась на объявление в газете о курсах визажистов-гримеров и решила рискнуть. Она надеялась найти работу в каком-нибудь театре и все-таки быть поближе к искусству. Девушка окончила курсы и стала очень хорошим специалистом. Она обладала чутьем и вкусом и умела подчеркнуть достоинства внешности, замаскировав недостатки.

Татьяне не удалось попасть в театр: куда бы она ни приходила, везде оказывалось, что вакансий нет. В результате знакомая тети Лиды устроила ее в салон красоты, где Таня получала неплохую зарплату, однако не испытывала никакого удовольствия от того, что превращала просто богатых дам и девиц в богатых и красивых. Сидя перед зеркалом, она с тоской смотрела на свое отражение и задавала себе сакраментальный вопрос: почему одним — все, а другим — ничего?

* * *

Шел снег. Новый год не за горами. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же таяли, но тем не менее создавалось ощущение приближающегося праздника. Люди толпами сновали туда-сюда, забегали в ярко освещенные и красиво украшенные магазины и выходили, нагруженные коробками и пакетами, руло-

нами оберточной бумаги и разноцветными связками «дождика» различной степени пушистости. Казалось бы, СМИ только и говорят о мировом кризисе, доллар и евро растут, рубль падает, но народ ни в какую не желает мириться с таким положением вещей. Кризис — ха! Это там, у них, может, и кризис, а у нас — Новый год на носу!

Макс любил предновогоднюю суету и радовался тому, что сегодня Самвел отпустил его домой раньше обычного: на рынке отключился свет, и торговцам ничего не оставалось, кроме как собрать товар и закончить рабочий день. Поэтому, несмотря на то что было всего пять часов вечера, Макс получил возможность прогуляться по улицам.

Он жил с бабушкой, бывшей учительницей русского языка и литературы, в коммуналке в районе станции метро «Сенная площадь». Им принадлежала одна большая комната. Всего же в квартире насчитывалось шесть комнат: говорят, до войны в ней жил какой-то профессор, и Макс часто пытался представить себе, каково это — иметь в собственности целых шесть помещений и никаких соседей? Кроме Макса с бабушкой в квартире обитали три семьи — дядя Паша, тихий алкоголик с ужасно ворчливой женой тетей Марусей, Лазаревы в количестве пяти человек и старушка, которую все звали просто «баба Лена». Макс порою казалось, что у него две бабушки, потому что с детства он равное количество времени проводил и с бабушкой Машей, и с бабушкой Леной, которая на самом деле не приходилась ему родственницей. Старушка была одинока. Она рассказывала, что однажды «сходила замуж», но ненадолго и неудачно. Детей баба Лена в браке не родила, поэтому с удовольствием возилась с маленьким

Максимкой, когда его родная бабушка оказывалась занята. Сама баба Лена до пенсии работала на консервном заводе, закручивая банки с тушенкой. Макс помнил ее руки, все в порезах, и перебинтованные пальцы — то один, то другой. Достигнув пенсионного возраста, баба Лена наконец получила возможность заниматься тем, что у нее получалось по-настоящему хорошо, — шитьем. Шила она с выдумкой, умудряясь из дешевых материалов сварганить вещи, в которых не стыдно показаться в самых престижных местах (хотя, надо признать, ее клиенты в таких местах не бывали и, скорее всего, даже не знали об их существовании!). Максимка и баба Маша тоже щеголяли в одежде «от бабы Лены».

В школе Макс не особенно блистал, чем вызывал огорчение бабушки, когда она, в очередной раз открывая дневник, натыкалась на двойки и тройки даже по тем предметам, которые большого ума не требуют. Но Максим все же имел две стабильные пятерки — по физкультуре и по музыке. Физкультуру он любил, с удовольствием выполнял упражнения, самозабвенно играл летом в футбол, зимой в хоккей, но баба Маша не приветствовала его увлечение спортом. Когда учитель физкультуры сказал, что мальчишку хорошо бы отдать в спортивную школу, она воспротивилась этому с удивительной для ее возраста энергией.

— Мальчику учиться надо, а не мяч гонять! — сказала она, и Макс понял, что великим футболистом он, скорее всего, не станет.

Что касается музыки, то бабушке нравилось, что учительница хвалит ее внука. Именно по этой причине в третьем классе бабе Маше пришла в голову мысль отправить Максима в музыкальную школу. Она нахо-

дилась рядом с домом, даже ближе, чем общеобразовательная, и для того, чтобы туда попасть, не требовалось переходить дорогу. Не то чтобы внук пришел в восторг от бабушкиной идеи, но и сопротивляться не стал: в конце концов, бабе Маше лучше знать, что для него хорошо. Он во всем привык полагаться на бабушку, хоть порой и испытывал на себе ее крутой нрав. Ничего, ведь рядом всегда была баба Лена, мягкая, пышная, готовая утешить, посочувствовать и вкусно накормить. Баба Маша иногда интеллигентно ругалась с бабой Леной, утверждая, что та портит ей внука, но баба Лена, кротко выслушав нотацию, все равно поступала по-своему. В глубине души баба Маша не держала зла на соседку: в конце концов, баба Лена была единственной, помимо нее самой, кто искренне и самозабвенно любил мальчишку.

В музыкальной школе учеба Макса пошла гораздо лучше. Не прилагая особых усилий, он делал успехи. Единственным предметом, в котором он не преуспевал, стало сольфеджио. Зато, как выяснилось, Макс обладал абсолютным слухом и сильным голосом (хотя последнее, по словам учителей, не слишком обнадеживало). Бабушке объяснили, что не стоит полагаться на то, что у мальчика хороший голос, пока он не начал ломаться. Необходимы специальные упражнения и осторожность, чтобы поддержать то, что дала природа. Робертино Лоретти, к примеру, в детстве пел, как ангел. Он продолжал петь и после того, как голос сломался, однако так и не сумел стать выдающимся певцом. Ни баба Маша, ни тем более Макс вовсе не мечтали о музыкальной карьере: бабушка выбрала музыкальную школу, просто чтобы внук не сбился с пути и не болтался по улицам в компании каких-нибудь ху-

лиганов. С другой стороны, музыка облагораживает, думала баба Маша, а значит, несмотря на недостаток денег в их маленьком семействе, Максим получит разностороннее образование — чего еще желать?

Макс обожал животных, особенно собак. Он постоянно возился с бродячими псами. Так как для содержания их в комнате не было условий, все сводилось к тому, что Макс притаскивал четвероногого приятеля домой, мыл его в ванне дешевым детским шампунем, приводил в божеский вид и пристраивал друзьям, знакомым и знакомым знакомых. Голубой мечтой Макса было когда-нибудь завести собственную собаку или даже несколько, и чтобы не возникало вопроса, где их держать, но пока такая перспектива представлялась туманной.

В целом жизнь Макса текла спокойно, без сильных потрясений и огорчений, исключая обычные мальчишеские проблемы. Единственным, что по-настоящему беспокоило обеих бабушек, была армия. Они понимали, что у них нет ни денег, ни связей, чтобы «отмазать» Макса от службы, а в вуз он не поступит по причине тяжелых взаимоотношений с науками: он с трудом написал ЕГЭ по обязательным предметам, а с одними тройками нечего и думать о получении высшего образования! Оставалась возможность поступления в консерваторию, но Макс с неожиданным упорством воспротивился: он хотел служить, и бабушки капитулировали.

Солдатская жизнь оказалась вовсе не так ужасна, как им представлялось. Макс легко нашел общий язык с однокашниками еще в учебке и понял, что ему не составит труда приспособиться к армейскому быту. При распределении ему повезло: он попал в погранвойска

и сразу из учебной части отправился в поселок Вяртсиля, что на финской границе. Максим был очарован суровой красотой карельских лесов, соснами, озерами и скалами, словно сошедшими с полотен Рериха. Его не угнетала изолированность от гражданской жизни. Макс любил бродить по молчаливому лесу, лазать по скалам и часами глядеть на тихие воды озера Янисъярви. Рядом находился пограничный переход Вяртсиля-Нийрала, и по другую сторону он часто видел финских пограничников.

Начальник заставы, полковник Утехин, слыл страстным любителем музыки. Каждый раз, инспектируя новобранцев, он с пристрастием выпытывал, кто из них умеет играть на музыкальных инструментах или петь. Ансамбль его заставы считался лучшим в округе, и ребята даже принимали участие во всероссийских конкурсах и сборных армейских концертах. Сам Утехин виртуозно играл на аккордеоне и ценил музыкальные таланты подчиненных. В личном деле Макса значилось окончание музыкальной школы, что не укрылось от орлиного взора полковника. Так парень оказался в «банде Утехина» (слово «банда» не несло в себе отрицательной нагрузки и происходило от английского «band», означающего «музыкальная группа»).

У Макса имелись и другие основания для радости. На заставе служили не только люди, но и животные — немецкие овчарки, лошади и даже старый ручной лось Кузьма. Несколько лет назад он, видать с голодухи, вышел на дорогу, где его и сбил на машине вышеупомянутый полковник Утехин. Несмотря на то что в сезон пограничники не считали зазорным охотиться на тех же самых лосей, Утехин решил не добивать незадач-